

С БЕЛОЙ АРМИЕЙ В СИБИРИ

Капитан австралийской армии Эрнест Уильям Лэтчфорд (Ernest William Latchford, 1889-1962) был участником Первой Мировой войны, получившим за боевые заслуги Военный Крест. После окончания войны он провел некоторое время в Месопотамии, а в конце 1918 года был направлен в Сибирь для несения службы в Британской военной миссии. Об этом периоде своей жизни он написал воспоминания, представляющие большой исторический интерес. Со многими его высказываниями можно не соглашаться, однако, читая написанное этим наблюдательным человеком, в который раз приходишь к выводу, что интервенция недавних союзников России и их поддержка Белого дела в годы Гражданской войны были обречены на провал, и это вмешательство во внутренние дела России могло лишь отсрочить крах антибольшевистского движения. Более того, интервенция не могла вызвать к жизни ничего другого, кроме подъема патриотических чувств у большинства населения России и желания положить конец присутствию иностранцев на своей земле. Впрочем, прочитав эту страницу, читатели сайта смогут сделать собственные выводы.

Нам, новичкам, было довольно интересно оказаться во Владивостоке. Все союзные страны, казалось, были представлены подразделениями того или иного размера, даже Сербия и Румыния. Все смешалось, и было нелегко понять сложившуюся ситуацию. Все «союзники» следили друг за другом довольно пристально, особенно японцы и американцы.

В 1918 году капитан Джон Уорд прибыл из Гонконга с Миддлсексским Батальоном, который был позднее отправлен обратно. Таким образом, за исключением артиллерийского отряда с военного корабля *Suffolk* и нашей миссии, в районе не было британских войск. Миссия состояла из 250 офицеров и примерно такого же количества младших офицеров. Многие провели по четыре года в плену, и им была предоставлена возможность остаться на службе еще на какое-то время. Все они, за редкими исключениями, были отличными ребятами и были полны историй о раннем периоде войны и условиях жизни в Германии. Будучи единственным австралийским офицером, я привлекал к себе определенное внимание и мне приходилось постоянно рассказывать о нашей армии. Многие из ранее побывавших в плену у немцев, к несчастью, попали в плен к большевикам тогда, когда наши усилия потерпели крах, и им пришлось пережить еще одно заключение.

Итак, мы были среди белогвардейцев. На наш взгляд, ничто не отличало «белых» от «красных», и это оставалось проблемой на протяжении всей кампании. Все было другим по сравнению с тем, что мы привыкли видеть на прежних фронтах, где каждый знал, что «там» или «в том направлении» находится враг. Даже в Персии мы обычно могли распознать, кто является нашим противником. В Сибири враждующие стороны расположились по обе стороны условного «фронта», но боевые действия происходили вдоль всей линии железной дороги, протягивающейся от европейского склона Урала до побережья Тихого океана (более 4 000 миль).

Поезда спускали под откос и атаковали, станции и военные посты подвергались нападению, и очень трудно было определить, «кто есть кто». Сибирь – страна таких огромных расстояний и с таким редким населением, что на практике войска могли действовать только близ железной дороги, за исключением самой «прифронтовой полосы». Необъятные леса и обширные степи составляли основную часть местного ландшафта. Политическая и международная ситуация были все время довольно

трудными, но, будучи солдатами, мы, главным образом, были озабочены тем, как лучше делать свое дело...

После короткой остановки во Владивостоке наша группа, состоявшая из 13 офицеров с денщиками и китайскими слугами, была отправлена на фронт. Мы заняли два вагона, кроме того, в нашем составе было 48 грузовых вагонов с пятидюймовыми снарядами, которые мы должны были переправить в Омск.

Я привез с собой из Месопотамии британского денщика, но большинство офицеров, прибывших непосредственно из Великобритании, имели слуг-китайцев. Китайцы прибыли к поезду с огромным количеством багажа. Через несколько месяцев я встретил некоторых офицеров, которым прислуживали эти китайские мальчишки, и спросил, как они себя проявили. В каждом случае ответ был одинаковым – китайцы исчезли в российской глубинке вместе со своим колоссальным багажом! Все, что хотели хитрые «Квонги», это доставить свои товары (шелк, чай и т.п.) в места, где за них можно будет содрать немислимую цену, и они знали, что «франко»-доставка товаров в обход китайских и российских таможен возможна только вместе с военным грузом. Наша миссия давала им такую возможность...

Было еще довольно холодно, но мы были тепло одеты и вскоре обустроили что-то вроде дома в нашем вагоне. Скорость нашего продвижения оставляла желать лучшего, но несмотря на многие задержки, мы привыкли к нашему передвижному дому и к его многим неудобствам... Когда мы останавливались на какой-нибудь станции, паровозная команда, как нам казалось, пользовалась этой возможностью увидеться со старыми знакомыми. Мы же использовали эти остановки для проведения соревнований по крикету. Телеграфные столбы служили воротцами, доски – битами, в набор для игры входил резиновый мяч из местной китайской лавки, обновляемый на каждой стоянке. Местные жители всегда проявляли огромный интерес к необычному спектаклю, который разыгрывали 13 диковинно одетых иностранцев, кричавших и бегавших за никому ненужным резиновым мячом по Северной Манчжурии.

Наш путь проходил вдоль Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и, далее, по Транссибирской магистрали. Японцы контролировали южную часть КВЖД, американцы – северную ветвь (Амур-Благовещенск), а Американо-Британская Железнодорожная Миссия действовала по всей железной дороге. Нас предупредили о необходимости держаться настороже с японцами после инцидента, связанного с арестом нашего командующего генерала [Элфреда Нокса](#) (Alfred Knox). На наших вагонах были эмблемы с британским флагом и надписями на русском «Британская Военная Миссия», и когда мы, в конце концов, въехали на подконтрольную японцам территорию, кто-то из нас всегда загоразивал вход в вагон и, улыбаясь, указывал высокомерному [японскому] офицеру на наш флаг, давая понять, чтобы тот убирался восвояси. Им это было не по нутру, но мы продолжали делать по-своему. Составить представление о японцах можно было по тому, как они досматривали вагоны, не принадлежащие британцам, и это безусловно доставило бы удовольствие любому прусскому офицеру. Не оставалось сомнений в том, что японский солдат весьма эффективен. Дивизия, которую мы видели высаживающейся во Владивостоке, выглядела исключительно организовано. Люди и снаряжение выглядели настолько одинаковыми, что создавалось впечатление, что это армия, состоящая из машин.

Вскоре нам пришлось перейти к дневному режиму движения, так как территория, по которой мы проезжали, рассматривалась как «неспокойная». Это означало патрулирование вдоль всего состава долгими и холодными ночами под снегом и ветрами из пустыни Гоби. Как-то ночью часовой (один из наших денщиков) заметил кого-то, пытающегося открыть грузовой вагон, и открыл огонь. Мы высыпали наружу, готовые к бою, но сумели найти только одного убитого китайца. Разбуженные нами представители станционной администрации, были очень разгневаны тем, что их побеспокоили из-за какого-то убитого китайца...

Позднее мы подверглись организованной атаке какой-то банды, но были спасены благодаря случайному вмешательству чешской роты, имевшей на вооружении полевое орудие. Тринадцать револьверов и четыре винтовки – небольшая сила против 70 или 80 ружей, особенно когда вы находитесь в железнодорожном вагоне. Нападавшие хорошо продумали план атаки, и нам просто повезло, что состав с чехами возвращался назад из-за поломки железнодорожного моста. Они смели все и всех, что противостояло нам, а затем устроили охоту за уцелевшими, в конце концов повесив 19 человек на телеграфных столбах.

Бронепоезд Калмыковец.

В Харбине я встретил британского майора Робинсона, который был близко знаком со многими австралийскими золотодобывающими районами. Он побывал во всех частях света, работая для британских золоторудных компаний. Мы остановились в Харбине на день и с большим интересом осмотрели китайскую и русскую части города, а также бронепоезд *Калмыковец* (в тексте – Khalmikov – ВК), причем наибольший интерес у нас вызвало то, что во всех подразделениях были «девочки». Не знаю, что сказать, но представляется, что в холодном климате эта «разновидность несения службы» довольно привлекательна. Девочки из «спецпайка» были очень веселыми и обменялись с нами шутками. Калмыков ([И.П. Калмыков](#) – 1890-1920) был убит в 1920 году и его «колония», скорее всего, рассеялась. Жаль! В австралийской армии не было бы отбоя от добровольцев, если бы его идея была своевременно подхвачена и претворена в жизнь.

Военнослужащие армии Северного Китая, с которыми мы вступали в контакт, были порядочными ребятами, видимо, неплохо обученными и выглядевшими настоящими солдатами. Как-то раз один из наших вагонов полностью развалился, по счастью, неподалеку от небольшой станции, и мы решили поменять его. Перегрузка содержимого вагона не выглядела чересчур привлекательной, и было решено, что ее проведут железнодорожные рабочие. Начальник станции предложил провести переговоры с китайским батальоном, расположенным неподалеку. После переговоров появился взвод крепких китайцев и приступил к работе. Будучи дежурным офицером, я руководил работой, и должен сказать, что их способ переброски ящиков со снарядами мне не очень приглянулся. Все мои возражения встречали веселые ухмылки, и, в конце концов, я остановил перегрузку, указал на ящик и крикнул «бомба», добавив слово «пугф». Лица

китайцев стали серьезными, и остальные ящики перегружались очень и очень осторожно. Приятные ребята, всегда веселые, не то что многие из их офицеров, которых нам приходилось встречать.

В районе Читы мы встретили множество «ястребов». Главой области был [атаман Семенов](#) – типичный пират в окружении крепких диковатых парней. Большинство его солдат выглядели полумонголами, и мы не завидовали капитану Марриотту, который был представителем союзников у Семенова. Последний считался наместником Колчака, но было очевидно, что он и его банда просто охотились за всем, что плохо лежит. Со временем он дал японцам возможность оценить его силу и потребовал себе статус и полномочия *Князя Монголии*...

Во время войны некоторые чересчур чувствительные люди считали военнослужащих австралийской армии грубой и агрессивной толпой. Интересно, что бы они сказали при виде этих «хищников»? Австралийцы выглядели по сравнению с ними как контуженные резервисты. Семеновцы были одеты по-казацки, в овчинных или меховых шапках, лихо сбитых на одно ухо, с длинными кривыми шашками (которыми они размахивали по малейшему поводу), автоматическими пистолетами, болтающимися у правого бедра, или ружьями за плечом и носившимся в воздухе чем-то вроде «с дороги, ты, ...».

Кстати, вот шутка об австралийской армии:

Один офицер сказал, что не знает, как отличить австралийскую пехоту от кавалерии. Другой просветил его следующим образом: "Если солдат в австралийской форме сходит на платформу с таким видом, что долбаный поезд принадлежит ему, это кавалерист. Если же он делает это с таким видом, что его не, кому принадлежит поезд, это пехотинец.

Еще одним интересным местом оказался приграничный городок Манчули. Расположенный посреди голой степи, он обладал всеми признаками американского захолустного городка где-то на «Диком Западе». Мы отправились искать что-нибудь съестное, но в итоге нашли только кое-что из выпивки. Главное здание оказалось винной лавкой, а цены в нем до смешного низкими по сравнению с указанными на этикетках. Виски, джин и т.п. – все лучших марок – были в четверть цены. Владелец лавки в ответ на наши вопросы поделился информацией об отсутствии каких-либо акцизов или что-то в этом роде. Я, к счастью, не соблазнился ни на что крепкое, а те, кто не удержался, были жестоко разочарованы, выяснив, что *Black and White* и *Gilbey*, на самом деле, не что иное, как отвратительные японские подделки.

В это же время мы случайно встретили американских военных, которые с жаром рассказали нам о зверствах большевиков, однако мы склонялись к тому, что это все болтовня. Более поздний опыт показал, что янки ничуть не преувеличивали.

Американцы занимали особое положение. Они набрали специальную бригаду для службы в Сибири, и мы предположили, что их «эксперт по эффективности» был призван в качестве советника по данному вопросу и, вероятно, порекомендовал следующее: «Это специальная бригада для службы в Сибири. Набирайте необходимый персонал из числа русских евреев, проживающих в США, и у вас будут не только те, кто знаком с [местным] языком, но также и деловые люди». Так рассудили мы, британцы. Евреи не очень популярны в России, и это относилось к солдатам этой бригады, поскольку их избегали использовать как за, так и против белого правительства по причине их склонности «к самоопределению для малых народов». К ним не испытывал благосклонности ни один из «оказывающих помощь союзников». Фактически, когда русские хотели оскорбить нас, они привычно бормотали «Amerikanski», достаточно громко для того, чтобы мы могли слышать...

Когда мы подъехали к озеру Байкал, оно все еще было замерзшим, и мы решили поиграть в футбол на льду. Я спросил у местного парня, какова толщина льда, и он указал на высоту нашего вагона (около 4.5 м). Эта часть Транссибирской железной дороги известна наибольшим числом туннелей в мире – 42 туннеля на 44 версты, причем один из туннелей достигал 2 миль в длину. Байкальская станция на западной стороне озера была взорвана большевиками, но все ледоколы были в целостности и сохранности.

Продукты мы доставали на каждой остановке поезда в дополнение к тому, что везли с собой из Владивостока. Местная еда была простой, но очень сытной. Щи (shche), или русский овощной суп был обычным блюдом в придорожных буфетах, и тарелка щей хорошо согревала, будучи «супом и овощным и мясным блюдом в одной тарелке». Кроме того, был ржаной хлеб грубого помола, масло, яйца, птица, а когда мы углубились в сибирские просторы – рыба и икра. Со временем знаменитая икра нам приелась – британские денщики просто объелись «рыбьими яйцами». На каждой маленькой станции можно было достать какие-то продукты или в буфетах, или у местных крестьян, которые устанавливали у дороги небольшие лотки. Горячая вода отпускала в специальных избах с надписями «кипяток».

Мы были сильно подавлены, узнав о переменах в планах нашего взаимодействия с Белой армией. Первоначально предполагалось создать Англо-Русскую Бригаду (русские войска с британскими офицерами, снаряжением и винтовками), но из-за трудностей в подобных подразделениях на Северном (Двинском) фронте, эта идея была отвергнута. (В июле 1919 года британские офицеры из состава белогвардейских частей на Двине были перебиты своими же солдатами).

Нас было решено прикрепить к частям Белой армии на период их организации и обучения, но не назначать нас на командные должности. Благодаря этому я, в конце концов, оказался в Иркутске – знаменитом и печально известном поселении для заключенных в центральной Сибири (*явное преувеличение – В. К.*). Я прибыл в находящийся там штаб миссии. Первоначально я получил назначение в Челябинск на Урале и был не очень доволен тем, что, в конечном итоге, остался в Иркутске. Мое прибытие было довольно забавным. Я вошел в здание миссии, увидел группу обедающих британских офицеров и услышал радостное приветствие: «Боже мой, да ведь это долбаный обоженный солнцем АНЗАК! Теперь всему делу крышка, ребята, все теперь пойдет вверх дном! Какого черта ты здесь, оззи (*Aussie – типичное самоназвание австралийцев – В.К.*)!» - Я ответил: «Ох, а я думал, что получу здесь Орден Британской Империи (*орден, которым награждали уроженцев доминионов и колоний – В.К.*) или-что то вроде того». – «Тихо, дуралей, - прошептали мне в ответ, – у начальника есть один, и он в соседней комнате!». (*Как следует из контекста, шутки носили явно сексуальный характер и под Орденом Британской Империи явно имелся бордель – В.К.*)

Я был слегка смущен и сожалел о том, что не нашел подходящий ответ. Мои новые товарищи сочли все это хорошей шуткой, и я отправился на доклад командующему. Подполковник Морли в свое время воевал на полуострове (*Галлиполи – В. К.*) и высоко оценивал австралийские войска. Он оказался добрым малым и хорошо принял меня. Затем я отправился знакомиться с будущими коллегами и вскоре чувствовал себя как дома. Все без исключения канадцы и британцы были отличными ребятами.

Среди нас были интересные русские офицеры – переводчики при штабе: инженер-командор Бобаров (российский ВМФ), от рассказов которого о революционных событиях у нас волосы вставали дыбом, «Папа» Паниев - почтенный полковник Императорской Гвардии, приятный и всегда любезный джентльмен. «Папу» в свое время схватили большевики и приказали ему явиться в местную администрацию на расстрел. Бедный старый полковник так и сделал, так как ничего другого не оставалось, и, прождав час или около того и обнаружив, что все слишком заняты, чтобы заняться им, решил, что он уже выполнил приказ, и пора потихоньку сматываться. Ему посчастливилось добраться до железной дороги и бежать на восток...

За пределами России эта история может показаться невероятной, но все это подтверждали многие люди, которых мы встречали. «Папа», на самом деле, не был активной фигурой, и когда за ним пришли, сказал следующее: «Господа, я – старый человек и честно служил моей стране, как только мог, но если вы по своему разумению считаете, что меня нужно расстрелять, я вынужден подчиниться». Мы не часто использовали его в качестве переводчика в процессе обучения войск, он был куда более полезен нам в смысле знания быта, обычаев, традиций и этикета, которые было необходимо учитывать в ходе совместной работы с гордой военной кастой офицеров старой российской армии.

В первый же вечер по прибытии в Иркутск мне пришлось отправиться на полковой ужин. Перед выходом я увидел, как члены миссии начали глотать большие куски масла. «Для чего это?» – спросил я. «Скоро узнаешь, старина,» - ответили мне. Перед ужином меня представили нескольким десяткам офицеров. Моя национальность была предметом большого интереса, и мне пришлось отвечать на бесчисленное множество вопросов. Один из старших русских чинов, в прошлом преподаватель Петербургской Военной Академии, сказал: «Стало быть, австралиец! Как интересно. Когда мои курсанты в Академии плохо вели себя, я говорил им, хорошо, будете писать эссе об австралийской армии. Это было наиболее эффективным наказанием, так как никто не знал ничего о вашей стране, даже я».

После общей беседы со многими офицерами (в особенности с одним из них, которого торжественно представили, как англоговорящего, и репертуар которого состоял из слов «я люблю тебя, поцелуй меня скорее»), нас пригласили на чай с булочками, которые называли «*pirozhni*». Разговоры и курение продолжались еще два часа. Когда меня потянуло ко сну, нас пригласили к закуске («*zakooska*»). Она состояла из икры и бесчисленных блюд из сушеной рыбы, копченой рыбы, сырой рыбы и из многого того, что я не сумел распознать. Тут появилась водка, и я почувствовал, что вечер вовсе не так уж плох.

Заиграл оркестр, состоящий из венгерских военнопленных, причем все инструменты были сделаны прямо в «лагере». Они действительно *играли*. В полночь я с ужасом услышал, что начинается ужин! У меня не было ни малейшего желания есть что-либо, но пришлось действовать по полной программе. Огромные тарелки с супом, жареная рыба, оленина и другие деликатесы – все это сопровождалось официальными и неофициальными тостами – вскоре я понял, почему мои товарищи проглотили заранее столько масла. Русские исключительно гостеприимны, будь то крестьянин, солдат или чиновник, все стараются угодить гостю как нельзя лучше. Однако, у нас сложилось впечатление, что нас хотели упоить, и от случая к случаю мы открыто выражали свои подозрения. Они, смеясь, соглашались, оправдывая свои действия следующим: «Когда человек пьян, его сразу видно, маски спадают»...

Иркутск, как и любой другой сибирский город, не возбуждает приятных чувств поздней зимой или ранней весной. Окрестности озера Байкал имеют репутацию самого холодного места к югу от Полярного круга, будучи даже холоднее, чем Якутск, расположенный гораздо севернее. Зимой снег здесь хрустящий и колючий, слишком хрустящий даже для снежков, но к весне, вместе с оттепелями, он становится мягким.

С прибытием беженцев из Европейской России, Иркутск, Омск, и, фактически, все города главной железнодорожной линии оказались сильно переполненными и набитыми разросшимся, по сравнению с обычными временами, населением. После службы нам было практически нечего делать – никаких развлечений, за исключением кабаре и старых фильмов. Мы обычно расслаблялись, прогуливаясь по парку у реки или вверх-вниз по главной улице. Во время коротких весны и лета становится веселее, и, если не принимать во внимание комаров, которые, кажется, здесь рождаются в меховых шубах, Сибирь превращается в приятное место.

В плохую погоду мы проводили занятия в казармах. Моей первой работой стало обучение личного состава Оренбургской Казачьей Школы, которая передислоцировалась в Иркутск

из-за революционных событий на юге Европейской России. Школа претендовала на 400-летнюю историю и гордилась своими традициями. Я также бывал в Сибирской Военной Академии, в которой готовили юнкеров. Юнкера хорошо проявили себя в боях с большевиками в Иркутске (до того, как последние были изгнаны чехами), и с ними было приятно иметь дело.

Нашей первоочередной задачей было снабжение подразделений обмундированием, и все без исключения - от генерала до рядового получили полный набор униформы *Томми (британского солдата – В. К.)*, нижнее белье, снаряжение и пр. В Закавказье нам первым делом приходилось заботиться о том, чтобы всех накормить, здесь же хватало продовольствия, но в одежде была крайняя нужда. Одному Богу известно, сколько миллионов фунтов было потрачено на Сибирь Британским правительством. Мы всегда получали то, что считали нужным для наших подразделений.

Нам всем хотелось отправиться на фронт, но вскоре мы узнали, что согласно политике, проводимой после вывода наших сил из районов Архангельска и Двины, британскому персоналу запрещалось принимать активное действие в боевых операциях, и такой случай мог нам представиться только вместе с нашими русскими частями. Перед наступлением весны я отправился в 14-ю Сибирскую Дивизию и занялся усиленным обучением младших офицеров и унтеров для новых частей. Моей целью была их подготовка для вступления в строй сразу после прихода оттепелей.

Моя первая группа состояла из 50 офицеров и такого же количества унтеров, помогали мне британский сержант Айд и переводчик-финн. На первый взгляд, задача представлялась невыполнимой – австралийский офицер обучает британской системе обращения с оружием и управлению огнем русские войска, вооруженные японскими винтовками! Однако, дело шло, и мы гордились своими достижениями. Русские хорошо проявили себя на стрельбище. Расставлять мишени нам помогали венгерские военнопленные, отличные ребята, которым нравилось работать с нами... В полевых условиях мне пришлось

подвергать их немалой опасности для того, чтобы обучить молодых русских офицеров поведению в ситуациях, приближенных к боевым. Венгры, казалось, ощущали себя частью Британской империи и очень гордились принадлежностью к нашей миссии.

Проблема военнопленных стояла в Сибири очень остро, и эти края были забиты несчастными жертвами жизненных обстоятельств. Мы впервые столкнулись с ней по дороге в Верхнеудинск, где в прошлом находился большой концентрационный лагерь. Наш поезд остановился на ночь, и к нам пристал жалкий бродяга в лохмотьях, который попросил у нас на очень правильном английском английскую газету! Мы снабдили его из наших запасов, накормили и долго с ним беседовали. До

войны он возглавлял австрийский оркестр в лондонском отеле. Его взяли в плен в 1914 году, и на протяжении четырех лет он не получил ни единой весточки от жены и детей. Так культурный человек был вынужден владеть жалкое существование в джунглях Восточной Сибири без какой-либо надежды на возвращение домой. Верхнеудинск был для него адом, а вид огромного позолоченного креста, возвышающегося над залесенной горой, находился в жутком контрасте с его удручающей историей и казался издевательством над нашей христианской цивилизацией. (Крест был воздвигнут военнопленными в годы войны). Мы думали, что это был исключительный случай, но более поздний опыт, связанный с военнопленными, показал, что подобные истории были типичными для большей части этих несчастных людей.

Австрийцы и венгры были, в общем, хорошими людьми, спокойными, добродушно настроенными и благодарными за любое проявление помощи. Немцы же были слегка высокомерными, и с ними приходилось вести себя поостороже. После революции надзор за пленными ослаб, и многие из пленных, особенно немцы, присоединились к красным и активно воевали против белых и союзников. В Иркутске многие немцы ушли из лагеря и жили в частных домах среди русских в комфортных условиях, привыкнув слоняться по улицам, проявляя все свое прусское высокомерие. Мы положили конец этому после пары инцидентов, их повыкидывали из домов и новых семей и вернули в лагерь. Никому из нас не хотелось проявлять чрезмерную твердость по отношению ко всем немцам, но и терпеть их поведение тоже не было возможности.

Мы пришли к выводу, что австрийцы и венгры были надежным народом и использовали их на любой возможной работе. Для них это было божьей благодатью, так как мы снабжали их хорошей одеждой, едой и даже платили им. Пока я был в Иркутске при мне всегда было двое венгров, и оба были славными ребятами. Мой денщик – венгерский фермер, который не имел вестей из дому уже пять лет, - был лучшим из всех встреченных мной денщиков. Он присматривал за мной лучше родного брата. Перед отъездом мне удалось перетащить его во Владивосток и устроить так, чтобы о нем позаботились и помогли добраться домой.

Наше стрельбище привлекало внимание многих, и в нескольких случаях это стало причиной трений. Как-то я договорился встретиться на стрельбище с русской ротой для тренировки, но с удивлением обнаружил, что рота отправляется в казарму. Справившись о причинах, я выяснил, что сюда же прибыла чешская рота, которая потребовала от русских, чтобы они удалились, что последние и сделали. Чехи и русские не очень любили друг друга. Отношения между командующими чешской и Белой армий только подливали масла в огонь. Чехи были отличными ребятами, преисполненными сильными национальными чувствами, но определенные инциденты на фронте оставили у них неприятный осадок, и они все время пытались поставить себя выше русских.

Как представитель Британской Империи, я считал, что подобные вещи не должны иметь места среди союзников, и что чешскому офицеру это происшествие не должно сойти с рук. Я приказал русской части вернуться на стрельбище. Придя на место, я обнаружил там мрачного чешского офицера, удерживающего моего венгерского сержанта, который уперся и не давал чехам стрелять по мишеням. Ему, в свою очередь, угрожали всевозможными карами вплоть до расстрела. Я вмешался в спор и отправил венгра выполнять его работу, а затем поинтересовался у чешского офицера, что он здесь делает. Он в развязной манере сообщил мне, что намеревался провести этим утром стрельбы. Я ответил, что, к сожалению, стрельбище занято русской воинской частью, но все можно устроить, если своевременно попросить на то разрешение. Он ответил громким «ха-ха» и добавил, что «чехи не станут беспокоиться о таких вещах, как разрешение, и будут делать, что захотят».

И он, и русский офицер здорово разгорячились, и я приказал последнему увести роту в перелесок, зарядить винтовки и там дожидаться меня. Я решил, что единственное, что можно было сделать, это расставить все на свои места здесь же, и, при помощи переводчика, убедиться в том, что мои слова дошли до адресата. Я сказал невежливому чеху, что вопрос не в том, у кого больше прав – у русских или у чехов, а в том, что здесь команду я – британский офицер – и будет сделано то, что я приказываю. Я также заметил, что чешская нация существует только благодаря доброй воле Британской империи, и постарался дать понять, что стоит мне только кивнуть [Ллойд Джорджу](#), и в европейской политике произойдут довольно определенные изменения, в особенности, по отношению к чехам. В конце концов, я ясно дал понять, что рассматриваю его, как досадное недоразумение и, если его часть не уйдет отсюда немедленно, я буду вынужден принять экстремальные меры для наведения порядка.

Сейчас это может показаться каким-то фарсом, но следует иметь в виду, что я был представителем Британской Империи и был преисполнен сильными национальными чувствами и искренним желанием помочь Белой армии достичь победы. Объявив свой

ультиматум, я напомнил ему о мощи Империи и затем присоединился к русским, размышляя о том, что предпринять, если чех откажется выполнять мой приказ. Стараясь произвести на оппонента наиболее сильное впечатление, я приказал русским растянуться в цепь и двигаться сквозь перелесок, изображая готовность к бою, но с облегчением увидел, что чешская рота уходит.

Нельзя было, однако, не восхищаться чехами из-за их прекрасных бойцовских качеств и высокого уровня физической подготовки и тренировки. Они проделали огромную работу по организации отличного корпуса из различных групп военнопленных, разбросанных по всей России, превратив его в ударную силу Белого движения. Чехов в свое время заставляли воевать под австрийским и немецким флагами, и они делали это с большой неохотой, используя любую возможность для того, чтобы перебежать на сторону русских; сообщалось, что целые батальоны переходили к русским под музыку военных оркестров! В России их размещали в специальных лагерях и обращались хорошо до революции 1917 года, после которой стало ясно, что новые российские власти значительно менее доброжелательны к ним по сравнению с теми, кто был у власти в прошлом. Союзники поступили правильно, использовав чехов для утверждения своей власти в Сибири. Чехи напомнили мне австралийских солдат – «сыты всем по горло и слишком далеко от дома», но полны бойцовского духа и относятся ко всему по принципу «не ... , кому принадлежит долбаный поезд». Началом конца стал момент, когда из-за разногласий в верхах их отстранили от активных боевых действий. Надеюсь, что они будут на нашей стороне в будущей войне!

То, что мир очень тесен, мне стало ясно, когда я, как-то раз входя в русский штаб, услышал от одного из русских офицеров: «Привет, Австралия, как дела?». Трудно ожидать обращения на австралийском сленге при встрече с русским офицером на сибирских просторах, и я был просто ошарашен. Справившись с растерянностью, я спросил его о том, что он знает об Австралии, и был весьма удивлен, узнав, что собеседник прожил много лет в Квинсленде, но совершил ошибку, вернувшись на родину для участия в этой войне, и теперь не видит перспектив для того, чтобы выбраться из всего этого в страну, которую он назвал «богоданной». Очень свежо прозвучало следующее: «Если бы у меня было побольше долбанных мозгов, я бы был все еще там или в австралийской армии». Я как-то зашел в штаб еще раз, но не услышал о нем никаких новостей, и у меня сложилось впечатление, что его заподозрили в симпатиях к красным. Если так, то в те сумасшедшие времена у него был бы довольно короткий срок между вынесением приговора и приведением его в исполнение...

В другой раз я шел по лесной просеке и, проходя какие-то деревянные избы, наткнулся на играющих детей. Они вытянулись по стойке смирно, увидев мою военную форму, и самый старший мальчишка отдал мне честь. Я любил детей, и ответил на приветствие по-английски (или, скорее, по-австралийски): «Добрый день, Джо, как дела?». К моему изумлению, мальчишка ответил на обычном английском: «Прекрасно, сэр, но меня зовут не Джо». Я не ожидал такого ответа и спросил: «Ты что, один из этих чертовых янки?». Тут донесся высокий женский голос из ближайшей избы: «На самом деле, нет. И уж кто-кто, а Вы не должны оскорблять его подобным образом, мой мальчик – такой же настоящий австралиец, как и вы, капитан». Пристыженный, я извинился перед разгневанной дамой и ее сыном, и в беседе выяснил, что мальчик родился в Брансуике (штат Виктория), а его родители до войны служили в российском консульстве в Австралии. Бедный мальчик. Одному Богу известно, что ему довелось испытать к тому времени. Я больше не бывал в том месте и не знаю, что дальше случилось с ним и его родителями.

Еще как-то раз во время посещения русской воинской части, отдавая какие-то распоряжения и не будучи уверенным в том, что мои слова правильно поняты, я спросил, нет ли здесь кого-нибудь, кто знает английский язык. После поисков ко мне подтолкнули зашуганного с виду солдата, одетого в обычную серовато-беловатую униформу старой армии. Подумав, что передо мной один из бывших моряков, которых мне часто приходилось встречать в те времена, и словарь которых состоял примерно из двадцати

слов, 90% из которых были сленгом или ругательствами, я с удивлением услышал, что он говорил на идиоматически правильном английском. Мы с успехом справились с задачей, после чего я спросил его откуда он. Он был довольно откровенен, и рассказал всю свою историю. Он был сыном крупного еврейского поставщика одежды в Лондоне, выходца из России, который, придя к выводу, что призыв в армию неминуем, отправил своего сына на родину. Он избежал службы в царской армии, но был призван в Белую армию после революции. Отец думал, что поступает очень хитро, не натурализуясь в Англии, но это перечеркнуло будущее сыну. Белые власти не признали его британским субъектом, и так он стал рядовым с жалованьем 30 рублей в месяц, в то время как за один фунт стерлингов давали 300 рублей (а чаще и все 500). Он смотрел на вещи философски и считал, что его песенка спета. Я дал знать о нем в Железнодорожную Миссию, и они запросили его к себе в качестве переводчика. С тех пор его жизнь наладилась: хорошее жалованье, прекрасные условия и возможность вернуться в Великобританию. Через какое-то время я навел о нем справки и узнал, что он запятнал свой послужной список, так как был пойман на продаже каких-то вещей со склада, и был возвращен в армию.

В то время, как мы были в Иркутске, дела на «фронте» шли не очень хорошо, а с наступлением весны (1919 года – В. К.) удача окончательно отвернулась от Белого правительства. Пока части *Северного экспедиционного корпуса* вели боевые действия, белые постепенно наступали, но с выводом этого контингента союзников положение существенно изменилось. (*Лэтчфорд явно преувеличивает значение боевых действий на Севере России – В.К.*) Белая армия в Сибири была остановлена, фронт прорван и началось отступление. Мы рвались на фронт с русскими частями, но становилось ясно, что фронт сам скоро доберется до нас или пройдет через нас, если мы будем ждать слишком долго. Чехи были сильнейшей составляющей белого фронта, и с их отводом с линии боевых действий все рассыпалось в прах.

Большевики были хорошо организованы (по меньшей мере, для того, чтобы справиться со своими соотечественниками); они действовали по принципу, принятому на вооружение немцами в 1914 году – «ставь свой башмак куда только можешь». Их пропаганда была умелой и эффективной, так что бедный белый солдат был в крайне трудном положении. Часто он не был уверен, насколько можно положиться на соседнюю или собственную часть, или даже на своих товарищей, и как скоро после первых же выстрелов они затрубят отбой или поднимут руки. Он знал, что в случае поражения лучшее, что может случиться с ним – это расстрел, а зимой он мог быть уверен в том, что его разденут догола и оставят связанным на морозе в 20-40 градусов. (Мы находили их в таком положении). У офицеров тоже были основания для беспокойства, так как к ним у побеждающих большевиков было особое отношение... К тому же, они не особенно полагались на своих солдат, и были случаи, когда люди, поддавшись пропаганде, подводили своих офицеров и перебежали на сторону противника.

Политическая ситуация была настолько запутанной, что простой русский солдат был не в силах понять, какую цель преследуют союзники в этой войне. Большевики в полную силу использовали печатный станок, как для листовок, так и для денег, и находили возможность распространять свою печатную продукцию вдоль железной дороги у нас в тылу. Одним из их коронных трюков было пародирование известных русских песен. Помнится, я получил приказ о том, что популярная песня «Шахабания» (*Такое название приводит Лэтчфорд – В.К.*) занесена в черный список, и что каждый, кто будет замечен в насвистывании, игре или пении этой мелодии, подлежит аресту. Оказалось, что большевики написали новые слова к этой песне специально для белых: «Погон английский, табак японский, правитель омский (*в переводе Лэтчфорда - Russian soldiers were dressed in English clothing, smoked Japanese tobacco, and were under a dictator from Omsk*)», – вполне пустяковый с нашей точки зрения, но способной нанести ущерб политической ситуации, так что песня была безжалостно запрещена.

Как-то один русский офицер попросил меня совета насчет своего фельдфебеля, который, по его мнению, не оказывал ему должной поддержки в командовании воинской частью.

Офицер не очень хотел доводить дело до разбирательства «на ковре» у начальства. Меня это не касалось, но я стал присматривать за фельдфебелем и заметил, что тот подолгу говорит с солдатами после строевых учений. Как-то я поймал его и прямо сказал, что «он очень много говорит», и что во времена гражданской войны такой недостаток может иметь фатальные последствия. Он хитро посмотрел на меня, а утром исчез, и я уверен, что он был красным. Я не думаю, что испугал его, но он, вероятно, решил, что если «сумасшедший англичанин наехал на него», то пора бежать. В то время, как фронт рассыпался на куски, мы продолжали упорно работать с нашей дивизией для того, чтобы сделать ее боеспособной, но ситуация была, по меньшей мере, очень тревожной.

Описание наших действий в это период времени заняло бы слишком много места. Поэтому я остановлюсь лишь на некоторых из них. Мы, в частности, пытались заставить русских офицеров присоединиться к солдатам во время разных игр для того, чтобы установить более товарищеские отношения. В русской армии на этот счет существуют представления, отличные от наших, и мы считали, что у них был слишком большой разрыв между чинами: офицеры никогда не беспокоились о своих людях так, как это учили делать нас. Меня раздражало то, как русский солдат стоял по стойке смирно, отдавая честь офицеру на протяжении пяти минут или около того, пока офицер отчитывал его за незначительную ошибку.

Я никогда не забуду, как мы познакомили наше подразделение с футболом. Мы договорились с ротой об игре, сами пришли в майках, шортах и ботинках и обнаружили, что в то время, как солдаты появились в подходящей одежде, офицеры всего лишь избавились от шпор и сабель! Они отказались снять с себя еще что-либо и заметили, что такого в их армии «не положено». Ничего более смешного я в жизни не видел. Каждый австралийский ребенок с малых лет привыкает к играм с мячом, но эти шустрые сибирские ребята, очевидно, раньше никогда не видели мяча. Постепенно они прониклись духом игры и стали получать от нее такое же удовольствие, как и мы. Офицеры стояли в стороне, иногда пытаюсь отбить мяч, когда он подкатывался к ним. Рядовой солдат, гонящийся за мячом, становился по стойке смирно в тот момент, когда замечал намерение офицера пнуть мяч. Мы постепенно отучили их от этой привычки и дали понять, что они не на параде, и что лучшим из них является тот, кто первым доберется до мяча и ударит по нему.

После первого футбольного урока русские офицеры затаили на нас обиду, но мы заметили им, что в британской армии офицер должен уметь делать все то, что любой другой человек, и, по возможности, чуть-чуть лучше и быстрее, и что люди это ценят. Нам удалось изменить их представления, но они не любили «смешиваться» с солдатами, хотя иногда офицеры садились рядом с солдатами и ели вместе с ними, что означало немало для людей с их привычками. Нужно понимать, что в России, как и в Германии до войны офицеры были «отдельной расой» и имели неограниченную власть, и их шокировали наши грубоватые привычки.

Русский солдат, по меньшей мере, его сибирский тип, - отличный парень. Веселый, выносливый, отвечающий добром на добро и, определенно, не ослороп. Я не думаю, что какой-либо другой солдат сделал бы большее в тех условиях. Он был вынужден переносить тяготы сибирской зимы в хлопчатобумажном обмундировании, в тонких башмаках и при нехватке шинелей. Одна шинель на шестерых! Британская миссия снабжалась хорошо, и я воспользовался возможностью подарить каждому унтер-офицеру или заслуживающему того солдату трубку и пакет табаку. Это стоило мне моего трехмесячного жалованья, и я часто думал, что смог бы стать командиром дивизии, если бы имел достаточно табаку и трубок!

Они (*русские офицеры – В.К.*), однако, рассуждали иначе, чем мы. Проводя стрелковые соревнования по окончании обучения группы недавних выпускников Военной Академии, я заметил, что один из них нарушает правила, и, соответственно, присудил приз показавшему следующий за ним результат. Это вызвало большое волнение среди русских офицеров. Они подошли ко мне и стали спрашивать «почему». Я указал, что нарушитель

сделал то, что не полагалось, и за счет этого обошел своих товарищей. Они заметили, что это лишь показывает, «насколько тот хитер», и, по их мнению, это было достойным поощрения. Мое мнение о нечестности нарушителя принимать во внимание никак не хотели, и мы так и остались при своих мнениях. Наверное, это вопрос воспитания...

Еще случай: мы выдали одному подразделению полный комплект британского снаряжения и через несколько дней с удивлением услышали о том, что китайские лавочники продают что-то из этого снаряжения. К командиру части обратились с запросом, и он признал, что «двинул» определенные вещи. Его наивное обоснование такого поступка заключалось в том, что «люди привыкли иметь одну майку, одну рубашку и т.д., так что давать им по две было пустым делом, а вырученные деньги были необходимы для нужд полка». Ну что тут скажешь!

Интересным был охотничий поход в Ленский район в компании с местными бурятами. Штаб миссии в Иркутске имел автомобиль – редкую роскошь для Сибири, – и когда представилась возможность, я и Тоби Джоунс Toby Jones (из канадских Горцев/Highlanders) сумели получить его в свое распоряжение. Британские золотодобывающие компании, работающие на приисках реки Лены, по условиям концессий были обязаны поддерживать в рабочем состоянии дорогу от Иркутска до этих мест. С помощью местных жителей мы сумели перетащить автомобиль на хорошую гравийную дорогу и отправились в бурятскую деревню, расположенную в 100 милях от нас.

Буряты - это полумонгольское племя, очень гостеприимное и ушедшее далеко вперед по сравнению с русскими крестьянами в отношении сельского хозяйства, домашнего быта, образования и т.д. (*Лэтчфорд явно преувеличивает достижения бурятов – В.К.*) Здесь, в 100 милях от железной дороги и в 2 000 миль от ближайшего порта, можно было увидеть американскую сельскохозяйственную технику, пианино и добротные дома, построенные из пиленого леса, имеющие большинство удобств, обычных для австралийских ферм. Буряты были освобождены от воинской службы и жили в хорошо обустроенных поселениях по всей Сибири. Многие бурятские дети даже учились в основанных американцами колледжах приморских городов Китая. Они тепло встретили нас, и мы показали местным парням, как играть в регби. Вся работа в поселке прекратилась, как только был нанесен первый удар по мячу...

К октябрю 1919 года дела у белых пошли совсем плохо. Наш фронт, можно сказать, прекратил существование. Железная дорога была запружена воинскими эшелонами, и воцарился полнейший хаос. К этому времени большая часть миссии была выведена из Сибири в соответствии с общей политикой Великобритании. В ноябре я прибыл в штаб и узнал, что меня отправляют в Австралию. Вскоре я оказался во Владивостоке, откуда вскоре отбыл в Японию...

E. W. Latchford - *With the White Russians*. "Reveille", vol 6 to 12, August 1933 (pp 26-27) through to vol 7, no. 8, April 1934 (pp 23, 57).

Возврат к главной странице www.warsstory.org